

Никто из присутствующих не мог предугадать, что переговоры в шатре примут столь неожиданный оборот.

Перед началом встречи главы кланов успели всё обсудить и наметили крайний рубеж уступок: поднять ежегодный налоговый сбор с прежних трёх миллионов таэлей до четырёх. В самом крайнем случае они готовы были накинуть ещё пятьсот тысяч, но ни медяком больше.

Однако вставал вопрос: из чьего кармана пойдут эти излишки?

Делиться своим?

Об этом не могло быть и речи.

В их тайной переписке, летевшей из дома в дом, было достигнуто соглашение: покрыть разницу за счёт доли Янь Сю в соляных промыслах и морских перевозках. Тот всё равно был уже не жилец. Его резиденцию занял этот старый лис Би Хэн, и хотя, по последним сведениям, Янь Сю ещё не раскололся и не выдал их секреты, дни его были сочтены. Особенно после новостей о его позорной «беременности» от собственного дворецкого. Главы кланов понимали: ни гордость, ни рассудок Янь Сю долго не выдержат.

Янь Сю всегда был официальным лицом Цзянчжоу, но при этом обожал строить из себя утончённого литератора. Его фальшивое благородство и жадность, ничуть не уступавшая их собственной, давно вызывали у всех тошноту. Он вечно кичился своим статусом, а когда женил сына, требовал от невест из купеческих семей баснословное приданое, якобы чтобы компенсировать их «низкое» происхождение.

Словно никто не видел, как он пытается нажиться на браке собственного сына!

Ха! Неужели он всерьёз полагал, что его хилому отпрыску суждено взять в жёны девушку из великого рода? Если бы их дела не были сплетены столь тесно, они бы давно вскрыли ему череп, чтобы проверить: остались ли там хоть какие-то воспоминания о тех временах, когда он сам, пресмыкаясь, вымаливал у них помощь, чтобы подняться по служебной лестнице?

За тридцать лет службы он, похоже, забыл, кто именно возвёл его в кресло главы области. Он вообразил, будто добился всего своим талантом, и его аппетиты росли день ото дня, вызывая глухое раздражение у всех остальных дельцов.

Пришло время сменить игрока.

Кандидатуры уже обсуждались. Они просмотрели всех: и помощника главы области Вэнь Ци, и судебного помощника главы области Юй Жао, и даже уездных судей. Им нужен был кто-то

податливый, кто-то, кого можно крепко держать в руках. Они не собирались повторять ошибку, допущенную с Янь Сю: нельзя позволять марионетке нагуливать жир. Чиновнику можно давать серебро, но доли в деле — никогда.

Испытанием для будущего «преемника» должна была стать кровь. Тот, кто сумеет устранить Янь Сю прямо под носом у Би Хэна, и станет новым главой области.

С таким клеймом на совести новый назначенец надолго станет шёлковым и даже не помыслит о том, чтобы требовать свою часть пирога. Один раз они уже обожглись на аппетитах Янь Сю и второго такого чудовища растить не собирались.

Как бы скрытно ни действовал Би Хэн, даже если он по ночам собственноручно выковыривал кирпичи из стен, ищейки кланов знали обо всём. Тайное давно стало явным.

Пожалуй, только сам Янь Сю, живший в паре шагов от места обысков, всё ещё надеялся утаить свои богатства.

Теперь же, на фоне его «беременности», если он вдруг узнает, что его главная опора — золото — вырвана с корнем, он просто обязан будет истечь кровью от удара. Это было бы достойным завершением их хитроумного плана.

Смерть Янь Сю вместе с нерождённым плодом стала бы идеальным выходом. И их кандидат должен был преподнести им эту голову до того, как Янь Сю сломается под тяжестью своего положения и заговорит.

Ради того, чтобы вернуть своим телам прежний вид, они были готовы терпеть и договариваться. Они предвидели, что Янь Сю может попытаться выкупить свою жизнь, выдав их Би Хэну. А значит, нужно было, чтобы верный им человек из управы подобрался к нему первым и заставил замолчать навсегда.

Всё шло по плану.

Они выманили Би Хэна на переговоры, и охрана в поместье Янь Сю неизбежно расслабится. Кандидаты на его место, не жалея серебра, проберутся внутрь. А когда придет весть о кончине Янь Сю, их позиция в этом шатре станет ещё прочнее.

Эти прекрасные мечты, эти безупречные схемы передавались во взглядах, которыми они обменивались за столом. Каждый из них чувствовал вкус грядущей победы.

«Цзянчжоу принадлежит нам. В интригах и кознях десять Би Хэнов не стоят одного нашего союза».

Что же до Цуй Люя... Ну, этот богачей из захолустного Хуйцюя? С его-то аристократическим

прошлым?

Пустяки. Он был лишь поводом начать разговор, красивой ширмой. Они планировали коллективно превозносить его происхождение, надеясь вбить клин между ним и инспектором. А если не выйдет — не беда. Главное — продержат их здесь подольше, пока там, в городе, Янь Сю отправляют в последний путь.

Никто и помыслить не мог, что всего за время одной чашки чая все их расчеты рассыплются в прах.

Хотя, если Янь Сю всё же убьют, это не будет полным провалом. Но какой в этом теперь смысл? Это лишь обнажит их мятежную суть.

Убийство чиновника, препятствование следствию, да еще и старые счета за контрабанду... Хе-хе, это всё равно что собственноручно вложить в руки палача топор для собственной казни.

В мгновение ока все господа за столом, кроме Цуй Люя и Би Хэна, потеряли покой. Они сбились в кучу, лихорадочно шепчась. Если раньше они молили небеса о смерти Янь Сю, то теперь страстно желали, чтобы этот старый коррупционер оказался достаточно живучим и дождался спасения.

Нельзя ему умирать сейчас! Его смерть лишь докажет, что они возомнили себя вершителями судеб, имеющими власть над жизнью и смертью. Тогда их козыри в переговорах не будут стоить и ломаного гроша.

Нужно было срочно всё исправлять!

Господин Цзян, как самый опытный, первым бросился в пролом. Приняв вид человека, глубоко обеспокоенного будущим края, он горячо заверил, что они мечтают лишь об одном: чтобы товары Цзянчжоу открыли двери во все провинции Данин, принося процветание всем и каждому.

Фэн Чэнъэнь тоже вскочил. Он всё ещё дерзил Би Хэну, но в его голосе теперь звучала вынужденная уступчивость:

— Если глава клана Цуй согласится на нашу просьбу, то налоговый сбор в этом году... Мы, семья Фэн, внесём один миллион таэлей. Считайте это знаком нашей искренности и приглашением господину Цую на службу Поднебесной.

Старик Юэ, поглаживая бороду, тут же поддержал:

— Если господин Цуй примет пост, мой род Юэ также выделит миллион таэлей в знак нашего почтения.

Господин Цзян, сидевший ближе всех, лично поднялся, чтобы подлить чаю в чашку Цуй Люя. Его голос сочился медом:

— И моя семья Цзян не останется в стороне, дабы поддержать господина Цуя в его великих начинаниях.

Остальные поспешили присоединиться. Меньше пятисот тысяч не предлагал никто. Писарь, сидевший в углу, едва успевал водить кистью, втайне поражаясь суммам. Би Хэн же в уме лихорадочно подсчитывал общую цифру. Когда круг замкнулся, сумма «искренних подношений» перевалила за восемь миллионов таэлей — и это без учёта доли Янь Сю.

Только сейчас Би Хэн по-настоящему осознал, что такое истинное богатство. Пятьсот тысяч, миллион — эти люди бросались такими цифрами так легко, будто речь шла о паре медяков. Даже бровью не вели. Сердце инспектора колотилось в груди, как барабан, но, взглянув на Цуй Люя, он поразился ещё больше. Тот сидел с каменным лицом. То ли старик обладал поистине железной выдержкой, то ли просто умело притворялся, но его взгляд оставался абсолютно неподвижным.

«Неужели он не понимает, о каких деньгах идет речь?!»

Почти десять миллионов таэлей! Если доложить об этом в столицу, весь двор содрогнется. Да император или Великий император не просто сделают его главой области — они его министром доходов назначат! Указом велют немедленно скакать в столицу и принимать дела.

Такой человек, обладающий даром притягивать золото, — истинный любимец судьбы, «оухуан», как выразился бы Великий император. Его место — во главе казны. С ним государственное хранилище наполнится до краев в мгновение ока.

Би Хэн был ошеломлен мощью этого денежного потока. Ему хотелось самому схватить Цуй Люя за руку и заставить его кивнуть. Неважно, на какую должность он пойдет — соглашайся! Быстрее соглашайся, пока деньги не уплыли!

Однако Цуй Люй оставался холоден. От начала и до конца он сохранял ледяное спокойствие.

Чем щедрее эти люди рассыпали обещания, тем яснее становилось: их морские пути стоят в сотни раз больше. Их соляные прииски — это бездонные колодцы с золотом. И в конце концов, кому они дают эти деньги? Ему? Би Хэну? Нет. Так какого же дьявола этот старик инспектор так радуется? Ему-то в карман не упадет ни гроша.

Цуй Люй бросил трезвый взгляд на сияющего от возбуждения Би Хэна. Его глаза ясно говорили: «Это не взятка тебе, идиот. Они сказали — налоги. Чего ты прыгаешь?»

Более того, это была очевидная разовая сделка. В этом году дадут, а в следующем — кукиш.

Нельзя позволять сиюминутной выгоде затуманить разум. Им нужна была курица, несущая золотые яйца, а не один роскошный обед.

Шумные заверения в преданности постепенно стихли под спокойным, пронизывающим взглядом Цуй Люя.

Он жестом велел Цуй Чэну сменить чай. Новый настой был прозрачным и удивительно ароматным. Сквозь легкую дымку пара Цуй Люй наконец заговорил:

— Я вижу вашу искренность, господа. Но вот в чём дело...

При звуке его голоса, когда он легко прикрыл чашку крышечкой, все невольно затаили дыхание.

— Вы думаете, десяти миллионов таэлей серебра достаточно, чтобы заставить главу моего рода кивнуть? Не слишком ли мелко вы меня цените? Десять миллионов... Хм. Неужели вы полагаете, что я никогда не видел таких денег?

Би Хэн громко сглотнул. Только сейчас он окончательно понял тот странный взгляд, которым одарил его Цуй Люй, когда инспектор с гордостью притащил в его дом два сундука с золотом.

«Проклятье... Да он на мои жалкие крохи смотрел как на мусор!»

Остальные тоже были ошарашены. Кто-то решил, что Цуй Люй блефует: у обедневшего рода не могло быть таких запасов, а если и были — за века они должны были иссякнуть. Другие же поверили ему сразу, ведь когда они называли суммы, лицо Цуй Люя не дрогнуло ни на миг. Он не сдерживал ликование — он действительно не был впечатлен.

Никто не знал, что за спокойствием Цуй Люя скрывалось фаталистичное равнодушие человека, не знающего, куда деть накопленное. У него не было десяти миллионов наличными, но если выгрести всё ценное из кладовых его поместья, три-пять миллионов набралось бы без труда. Он не знал, как потратить то, что досталось от предков, так зачем ему еще и чужие деньги? Когда он успеет их израсходовать?

Поэтому, даже если бы они прокричали ему в уши «двадцать миллионов», он бы так же невозмутимо пил свой чай.

И именно поэтому он видел их насквозь.

Цуй Люй медленно повернул чашку в руках:

— С таким подношением двор не просто даст мне должность, он может осыпать меня

величайшими милостями. Ваша щедрость трогает моё сердце, но... это не совсем то, что я себе представлял. Видите ли, полномочия и обязанности главы области, какими я их вижу, несколько отличаются от ваших ожиданий. Хм. Позвольте мне угадать, к чему вы клоните?

Золото всегда туманит взор, и Цуй Люй не хотел бы вечно смотреть на этих людей свысока, но они... Они никак не желали уgomониться. Вечно пытались подмешать свою корысть в государственные дела. Что ж, сами виноваты, что он заставляет их ждать.

Би Хэн в Хэчжоу занимался лишь вопросами выживания народа. У него был огромный опыт в строительстве каналов и решении повседневных нужд бедноты. Там накормить людей и дать им воду было важнее любой торговли. К тому же, из-за географии Хэчжоу, вся коммерция там держалась на заезжих купцах. У Би Хэна не было опыта долгосрочного планирования торговых путей.

Когда он просил у Министерства доходов деньги на нужды провинции, он радовался каждой копейке. Он привык просить раз в год и уходить довольным. Поэтому, когда эти «старые лисы» оглушили его миллионами, он и не подумал о том, что это лишь вершина айсберга. Он не мыслил категориями инвестиций и будущего роста.

Но Цуй Люй был другим. Пусть он и сидел в Хуйцюе, живя с земли, но он прекрасно понимал, как работают цепочки поставок масла и зерна. За десятилетия он не раз просчитывал в уме, как строят свои империи эти богачи. Он знал, что в искусстве превращения денег в новые деньги они ушли далеко вперед всех остальных провинций.

Поэтому он видел суть этой разовой сделки гораздо яснее Би Хэна. И разум его оставался трезв.

— Если бы вы сделали эти суммы постоянным налогом, я бы от души поблагодарил вас за поддержку. А господин инспектор мог бы ходатайствовать перед императором о награждении вас почетными грамотами за верность...

Цуй Люй еще не закончил, а Би Хэн уже активно закивал:

— Разумеется! Я немедленно доложу государю о вашем рвении и попрошу выдать всем грамоты в знак признания вашей преданности!

Постоянный налог... То есть поднять планку с трёх миллионов до десяти. Навсегда.

Лица присутствующих мгновенно приобрели землистый оттенок. Фэн Чэнъэнь едва не подскочил на месте, но старик Юэ вовремя прижал его руку к столу и прошептал:

— Погоди. Послушай, что он скажет дальше.

Цуй Люй не заставил их ждать:

— Но если это не постоянный налог, то как нам провести эти деньги? Должно быть официальное обоснование. Министерство доходов не может просто записать в книги: «Деньги, упавшие с неба». Что мы напишем в следующем году? Где мы возьмем новую «небесную благодать»? Вы подумали о том, в какое положение ставите двор? Или вы предлагаете записать это как добровольный дар от богачей Цзянчжоу? Хорошо, в этом году вы одарили казну, а в следующем? Поймите, господа, двор не может принять на себя клеймо «грабителя народа». Вся Поднебесная смотрит на нас!

После этих слов холодный пот прошиб не только Би Хэна, но и всех сидевших за столом.

Шутки шутками, а обвинить императорский двор в вымогательстве у народа... Кто после такого выживет?

Фэн Чэнъэнь едва не сорвался на крик: «Да забирай ты деньги и молчи! Зачем тебе все эти названия и оправдания?!»

Но Цуй Люй, не давая ему вставить слова, продолжал ровным тоном:

— Империя — это порядок и закон. Великий император еще в начале своего правления строго запретил поборы и вымогательство. Я не знаю, как делаются дела в Министерстве доходов, но господин инспектор подтвердит: каждая копейка, поступающая в казну, должна иметь четкий источник. А уж в вопросах налогов и податей проверка будет жесточайшей. Цзянчжоу и так пользуется немислимыми поблажками. Если мы сейчас предъявим сомнительные счета... Хех, господа, я не пугаю вас, но как только эти деньги поступят в столицу — вы станете первыми кандидатами на плаху!

Раньше они годами тянули с выплатой несчастных трех миллионов, заставляя чиновников унижаться. А теперь разом выкладывают десять миллионов. Получается, вы всё это время держали императора за дурака? Двор просто обязан будет вас уничтожить, чтобы показать свою силу.

«Сами себе могилу копаете. Какая трогательная забота о правосудии!»

Господин Цзян, дрожа, поднялся. Его вид стал еще более подобострастным:

— Тогда... как нам быть, господин Цуй? Как нам преподнести это серебро, чтобы не навлечь на себя беду?

Если бы он мог, он бы с радостью взял свои слова о деньгах назад. Но тогда переговоры сорвутся, и им останется только собирать узлы и бежать в неизвестность.

Цуй Люй коснулся его руки, приглашая сесть, и улыбнулся:

— Раз уж эти деньги — дар от чистого сердца, то я, приняв на себя смелость действовать от имени управы Цзянчжоу, заберу их в местную казну. Чтобы вам было спокойнее. Мы используем их на нужды народа и развитие области — так будет удобнее всем. А что касается истинной преданности двору... Господин Цзян, военная мощь отдельного поместья — это всё же капля в море. Те люди, которых вы нанимаете в тайне... хм... они ведь никогда не сравнятся с регулярной императорской армией. Почему бы господину Би не попросить императора прислать сюда настоящий военный флот для вашей охраны? Так торговые пути станут безопаснее, и вы забудете о потерях грузов. А что касается долей и участия в деле... Двор сейчас очень заинтересован в развитии торговли и не станет «забивать курицу ради обеда». Пока управление путями будет налаживаться, к вам проявят максимальную мягкость. Господин Цзян, скажу прямо: того, что вы уже накопили, вашим потомкам хватит на десять жизней. Но если ваших детей вырежут или разорят в один миг... тогда все эти богатства... Хе-хе. Может, обсудите это еще раз?

Би Хэн придвинулся ближе и прошептал на ухо Цуй Люю:

— Неужели ты действительно хочешь оставить все эти миллионы в местной казне?

Его глаза моргали так часто, что превратились в размытое пятно. Цуй Люй покачал головой и тихо ответил:

— Официально их нельзя отправлять в столицу. Но никто не запретил тебе отправлять «излишки» по частям и втайне. Сейчас нам нужна доля в морских перевозках. С этой долей три миллиона налогов в год станут для нас пылью. Если наладить дело, как они, мы будем получать десятки, сотни миллионов в золоте и серебре. Ты сам-то подумай: тебе нужны деньги сейчас или вечный источник богатства?

Би Хэн едва не вскрикнул от восторга. Он поспешно зажал рот рукой и яростно закивал:

— Доля! Нам нужна доля!

<http://bllate.org/book/16118/1588345>